

ВЕЛИКИЙ РЕЙД АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО (МАРТ–ДЕКАБРЬ 1615 Г.)

© 2008.

А. В. Зорин

(Россия, г. Курск, Курский государственный областной музей археологии)

*Ten Moskwę wszerez, wzdłuż i w koło,
Sprawując rycerskie koło,
Biorąc miasta, zamki, grody,
Przeszedł przez żadnej swej szkody.*

Анонимная песня о Лисовском, 1632 г.

*Беззаконный же Лисовской совашеся
сюду и сюду, како бы что зло сотворити*

Авраамий Палицын, 1620 г.

Смутное время не закончилось в одночасье после освобождения Москвы силами Второго ополчения и воцарения на престоле новой династии. Помимо борьбы против внутренних «воров», вплоть до заключения в 1618 г. Деулинского перемирия продолжались и военные действия между Россией и Речью Посполитой. Ситуацию этих лет можно охарактеризовать, как ширококомасштабную пограничную войну, которую вели местные воеводы, опираясь, в основном, только на местные силы. Характерной особенностью военных действий на пограничье в этот период являются глубокие опустошительные рейды на территорию противника. Эти удары были нацелены, как правило, на определённые укрепленные города, уничтожение которых приводило к утрате противником контроля над прилегающей к ним территорией. Задачей руководителей таких набегов было разрушить опорные пункты неприятеля, разорить деревни, угнать как можно больше пленников.

Именно подобные рейды принесли наиболее громкую славу знаменитому польскому наезднику Александру Юзефу Лисовскому⁸⁶. Его круговой набег 1615 г. неоднократно освещался как русскими, так и польскими историками [Tyszkowski, 1932; Wisner, 2004; Соловьёв, 1990, т.V; Скрынников, 2007]. Однако до сих пор ни разу ещё не было предпринято попытки детально изложить ход событий, опираясь одновременно и на российские, и на польские опубликованные документы.

⁸⁶ Весьма забавными выглядят предпринимаемые ныне в Беларуси попытки сделать Лисовского «национальным героем Беларуси». Род Лисовских происходит из Королевской Пруссии, где предки Александра Юзефа владели в Хелминском воеводстве именем Лисово (Лисево). Один из них, Войцех из Лисова, в 1504 г. был лавником земским в Гданьске. В середине XVI в. четверо братьев Лисовских выехали в Литву. Один из них, Ян, обратился в протестантизм и обосновался в Виленском воеводстве. Он и стал отцом Александра Юзефа, которого, таким образом, с Белоруссией не связывает ни происхождение, ни вероисповедание, ни даже место рождения [Wisner, 2004, с. 28-29].

Александр Юзеф Лисовский герба Ёж родился около 1580 г. в семье шляхтича Виленского воеводства, будучи одним из девяти его сыновей. Военную службу он начал в польских отрядах валашского господаря Михая I. Когда в 1600 г. в Молдавию вторглись войска Речи Посполитой, он, как и многие его сослуживцы, перешёл на сторону поляков. Позднее Лисовский служил в Инфлянтах под командованием гетмана Яна Кароля Ходкевича, участвуя в польско-шведской войне. В 1604 г. Лисовский оказался одним из предводителей взбунтовавшихся солдат, требовавших выплаты им задержанного жалования и создавших для этой цели конфедерацию. В итоге он был объявлен вне закона и нашёл убежище у враждовавшего с гетманом подчашего литовского Януша Радзивилла. Здесь он получил под командование казацкую хоругвь. В 1606 г. Лисовский вновь оказывается среди бунтовщиков, примкнув к участникам «рокоша Зебржидовского». После разгрома мятежников королевскими войсками в июле 1607 г., он бежит на Русь и вступает в ряды войск Лжедмитрия II. В лагере самозванца под Орлом в январе 1608 г. Лисовский имеет под своим началом хоругвь в 100 всадников. В 1608–1611 гг. он активно действует от имени самозванного царя, участвуя во многих походах, осадах и сражениях. Видную роль он и его люди сыграли в знаменитой осаде Троице-Сергиевской лавры. После вторжения в Россию войск Сигизмунда III Лисовский переходит на королевскую службу и в 1612 г. направляется на русско-шведско-инфлянтское пограничье, вновь оказавшись под началом Яна Кароля Ходкевича, теперь уже в качестве полковника. В 1614 г. его переводят под Смоленск и на исходе года он встречается в Могилёве с гетманом Ходкевичем, обсуждая возможность глубокого рейда в «московские предель» [Wisner, 2004, с. 28-36, 49-65].

Принятое гетманом решение Лисовский обнародовал 12 января 1615 г. в специальном универсале. Там говорилось о намерении повести вглубь России «своевольные скопища людей, без службы

пребывающих». Было объявлено, что в полку Лисовского служить будут без жалования, только за долю в добыче. В итоге под его началом собралось 600 человек, которых он разделил на шесть хоругвей [Wisner, 2004, с. 65]. В состав полка Лисовского помимо поляков входили также «немцы» (иностранцы наёмники), татары и казаки (в том числе и донские). Две хоругви, «чёрная» и «красная», находились под личным командованием самого полковника.

По приказанию гетмана Яна Кароля Ходкевича Лисовский выступил в поход во второй половине февраля 1615 г. Целью его был Брянск. Одновременно с ним отряд Януша Кишки двинулся на Стародуб. Эти удары должны были отвлечь силы русских от Смоленска.

Лисовский со своим полком подступил к Брянску 3 (13) марта. Воевода Пётр Иванович Воейков сообщал, что «пришел подо Брянск изгоном безвесно Лисовской с литовскими людьми и стоял подо Брянском марта с 13-го чиста июня по 22-е число, и приступы к рву были многие. И он, Пётр, с ратными людьми в осаде сидел» [ПИВЕ, 1995, с.37].

У Лисовского не хватало пехоты и не имелось пушек. В итоге осада настолько затянулась, что даже родилось мнение, будто Лисовский и не собирался брать Брянск, а просто выжидал, пока минет весенняя распутица и появится молодая трава, чтобы затем продолжить поход. Однако, как отмечает Г. Виснер, вряд ли это можно считать верным, поскольку Лисовский продолжал стоять под Брянском ещё и летом [Wisner, 2004, с. 66]. Эта задержка некоторым образом пошла Лисовскому на пользу, поскольку тут ему удалось значительно пополнить свои силы. К нему примкнул отряд донских казаков, подошли подкрепления, посланные Ходкевичем (две хоругви по 100 человек каждая). Кроме того, «неведомо откуда» появились и «немцы» — 100 наёмников, среди которых находились также и шотландцы. Отряд, собранный из всяческого сброда (по определению самого Лисовского), привёл некий Рыськевич. В итоге численность лисовчиков возросла до 1200–1500 человек.

Между тем для снятия осады Брянска московские воеводы начали накапливать силы в Карачеве. Однако Лисовский успел нанести упреждающий удар. Получив весть о намерениях противника 7 (17) июня, он уже 9 (19) июня сам напал на Карачев, застав врасплох российское ополчение. Согласно польским сведениям, воевода князь Юрий Иванович Шаховской располагал силами до 7000 человек. Несмотря на неравенство сил, Лисовский одержал победу, захватив в плен и самого Шаховского, и карачевского воеводу Елизария Семёновича Безобразова. После этого боя Карачев был превращён Лисовским в базу для дальнейших операций. Воодушевлённый успехом, он вернулся к Брянску и 22 июня «приходил ... подо Брянск

всеми людьми, и был бой с утра и до вечера, и с того бою Лисовской со всеми людьми отошел в Карачев» [ПИВЕ, 1995, с.37].

После захвата Карачева летом 1615 г. против Лисовского были направлены новые войска во главе с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским и Степаном Ивановичем Исленьевым. Под их началом находилось около 690 дворян и «немцев», а также примерно 1259 казаков [Станиславский, 1990, с.155]. Свою рать воеводы собирали по мере своего продвижения по линии Боровск – Калуга – Болхов. В каждом городе, лежавшем на их пути, они рассылали по уезду сборщиков с приказанием служилым людям идти к ним на сход.

Избегая встречи с превосходящими силами московской рати, Лисовский двинулся от Брянска на Карачев, выжег его и направился к Орлу. В пути его лагерь подвергся удару авангарда русских сил под командованием воеводы Ивана Гавриловича Пушкина. Точная дата битвы неизвестна. Генрик Виснер и Р.Г. Скрынников в своих работах ошибочно называют 30 августа старого стиля, однако из документов Разрядного приказа известно, что в этот день Лисовский уже приступал к Болхову [Wisner, 2004, с.68; Скрынников, 2007, с.303; ПИВЕ, 1995, с.106].⁸⁷ Исходя из этого, следует присоединиться к мнению А.Л. Станиславского, считавшего, что битва произошла не позднее 23 августа [Станиславский, 1990, с.155].

Сражение произошло «верстах в трёх от города Орла, у речки Орлицы [Сухой Орлицы], впадающей в Орлик, на так называемом Царёвом Броду» [Пясецкий, 1993]. Согласно русским источникам, в отряде Лисовского в тот момент было до 3000 человек, что является преувеличением. Несмотря на то, что И.Г. Пушкину удалось застать *лисовчиков* в тот момент, когда они начинали ставить лагерь, натиск его был, хотя и с трудом, но отражён. В жестокой схватке сам Лисовский был ранен стрелой из лука. Вслед за Пушкиным обратился в бегство и воевода Исленьев вместе с дьяком Семьём Заборовским. С Пожарским осталось всего 600 человек (из них 200 дворян и 40 стрельцов), но зато они не тронулись с места и «бияшеса на многие часы, мало руками не имаючися билися. Видя своё неизможение, одёрнушася телегами и сидеша в обозе». Пожарский до ночи отражал приступы неприятеля. Лисовчики понесли заметные потери, у них были отбиты литавры, знамёна, а несколько человек

⁸⁷ Столь же ошибочны и дальнейшие датировки Виснера (например, разгром Белёва 10 сентября). Похоже, что польский историк ознакомился только с заголовками опубликованных документов Разрядного приказа, не удосужившись изучить их содержание. Более того, он почему-то счёл их все относящимися к «книге сеунчей», также опубликованной в данном сборнике [ПИВЕ. 1995]. Вероятно, этим и было обусловлено его скептическое к ним отношение, как к недостоверным реляциям, писавшимся в расчёте на награду [Wisner. 2004: 187-188].

попало в русский плен (автор «Нового летописца» даже уверяет, что Пожарский захватил живыми «триста человек шляхтов»). В бою были тяжело ранены некоторые из «храбрейших сподвижников» Д.М.Пожарского — Никита Гагарин и Григорий Горихвостов. Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не решался напасть на него, расположившись в двух верстах от русского табора. Пожарский не хотел покидать своего стана. «Помереть всем на сем месте», — отвечал он голове Лаврентию Кологривову и прочим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Болхову. Вечером возвратился назад беглый воевода С.И.Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы [ПСРЛ, т.14, с.136; Соловьёв, 1990, т.V, с.32; Пясецкий, 1993].

Противники стояли друг против друга на протяжении шести дней, разделённые рекой. Пожарский не стремился вступить в открытую битву в чистом поле и на четвёртый день противостояния Лисовский безуспешно попытался выманить его из укрепленного табора [Wisner, 2004, с.68]. Не бездействовал и Д.М.Пожарский. В составе его войск находилось 11 шотландцев во главе с капитаном Яковом Шоу. Через их посредство князь обратился к служившим Лисовскому «немцам», суля им «великое государево жалованье». В итоге часть иноземцев перешла в русский лагерь [Скрынников, 2007, с. 304]. Вероятно, это стало одной из причин, по которым Лисовский не стал продолжать битву. Он стремительно ринулся на Орёл и воевода Данила Яблочков бежал, не оказав сопротивления. Город был захвачен и выжжен, но Лисовский не задержался здесь, переправился через Оку и ушёл на Кромы. В семи верстах от Орла близ устья Цона он обосновался в укрепленном лагере, остатки которого были известны позднее под названием «Лисовского кургана» (у с.Лаврова). Но Пожарский следовал за ним по пятам и вынудил покинуть стан. Миновав Кромы и резко изменив направление удара, Лисовский метнулся к Болхову, «перебежала днём да ночью полтораста поприщ» и появившись у города 30 августа. Так начался его знаменитый круговой рейд, «изумительный в военных летописях» и «надолго памятный в Московском государстве» [Соловьёв, 1990, т. V, с.33].

Орловская битва обычно считается победой Лисовского. Ещё «Бельский летописец» утверждал, что «на том бою пан Лисовской с польскими и с литовскими людьми и с рускими с воры государевых воевод и ратных людей побили, а князь Дмитрием Михайловичем Пожарским с достальными людьми отсиделся в обозе» [ПСРЛ, т.34, с.263]. Согласно польским исследователям, Лисовский ушёл на Кромы только потому, что не видел смысла в дальнейшей осаде табора Пожарского [Wisner, 2004, с. 68]. Однако, как видно из общего хода событий, победа Лисовского была в лучшем случае неполной. Войско Пожарского не было разгромлено и

оказалось в состоянии преследовать противника. О том, что сами лисовчики не ощущали себя победителями говорит и факт перехода части иноземцев на сторону Пожарского — служба в рядах московского войска показала в тот момент наёмникам предпочтительнее. Однако оценивать результаты боя, как победу Пожарского также будет явным преувеличением. Имея все преимущества внезапного нападения, его ратники не смогли уничтожить неприятеля и даже обратились в бегство при контратаке. В ходе противостояния, накопив силы, он так и не решился вновь завязать полевое сражение и фактически выпустил противника из рук, чем тот и не преминул воспользоваться.

В четверг 31 августа (10 сентября), лисовчики трижды «приступали жестокими приступы» к Болхову, безуспешно пытаясь овладеть городом. Гарнизон, которым руководил воевода стольник Степан Никитич Вольнский, был немногочисленным, «потому что все люди были в полках у боярина и воевод у князя Дмитрия Михайловича Пожарского с товарищи». Тем не менее, все три приступа были успешно отражены: «Вольнской и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и всякие служилые и жилецкие люди ... от Лисовского и от польских и литовских людей отсиделись и многих полских и литовских людей побили» [ПИВЕ, 1995, с.110, 118].

Гонец, посланный из Болхова, в тот же день достиг соседнего Белёва, известив местных воевод и служилых людей о приближающейся опасности. Как и в других городах, большая часть местных служилых людей ушла с войском Д.М.Пожарского. Белёвские воеводы князь Михаил Борисович Долгоруков и Пётр Бунаков выслали на разведку станицу из трёх человек во главе с Василием Лодыженским. Служилые люди проехали около 8 вёрст по Болховской дороге до речки Руки, неприятеля не встретили, но «увидели из Белёва по деревням огни под засекою». В ночь на 1 сентября, не дожидаясь появления врага, белёвские воеводы со своими семьями бежали из города, хотя «стрельцы белёвские били челом ... и говорили, чтобы сидеть [в осаде]». Тем не менее, воеводы в полночь перебрались за Оку, бросив город на произвол судьбы. «И на них смотря в Белёве всякие люди замешались и пошли из города вон, а в городе оставались немногие люди».

Рассвело, однако никаких врагов так и не появилось. Лишь в третьем часу дня 1 сентября («в Семён день») Лисовский беспрепятственно вошёл в Белёв. Василий Лодыженский, не покинувший города, был взят в плен и доставлен к самому Лисовскому. Полковник спрашивал пленника, не отдадут ли в обмен на него его брата, находившегося в русском плену. Лодыженский отговорился тем, что онде «человек сельский» и ничего знать не знает и ведать не ведаёт. Тогда Лисовский потребовал выкупа и Лодыженскому пришлось ради спасения жизни отдать полковнику «чемодан с платьем, шубу

кунью под сукном да два ожерелья женских жемчужну да шапку женску низану». В это время на противоположном берегу Оки были замечены беглые воеводы и их спутники. Лисовчики погнались за ними и преследовали на протяжении 15 вёрст, застрелив денежного сборщика Григория Грекова.

Лисовский ненадолго задержался в Белёве. Он провёл здесь ровно столько времени, чтобы получить выкуп от Лодыженского и выжечь до основания посад и слободы. Он был весьма доволен достигнутым, говоря, что «было ему к Белёву не приступать» и потешаясь над воеводами, которые «города мечют» [ПИВЕ, 1995, с.106, 110-111, 113]. Помимо самого города была разорена Лисовским и расположенная неподалёку Онуфриева Введенская пустынь.

«Зажогши Белёв, Лисовский пошел к Лихвину. А пришед под Лихвин стал полки на площади и з города стреляли по нём ис пушечки, и Лисовский послал пеших людей, а велел посад жечь, а к Лихвину приступом людей не посылал, а острог большой не был осажён, и литовские люди острог выжгли ж» [ПИВЕ, 1995, с.111]. Начальствовавший в Лихвине воевода Фёдор Стрешнев не бежал со своего поста и «с малыми с осадными людми» отсиделился от Лисовского.

Отступив от Лихвина, Лисовский двинулся на Перемышль, к которому приблизился 2 (12) сентября в четвёртом часу дня. Остановившись неподалёку от города, он осмотрел его, «чая, что в городе сидят». Однако, вскоре выяснилось, что тут повторилась белёвская история. [ПИВЕ, 1995, с.105, 112].

В Перемышле начальствовал воевода Семён Фёдорович Глебов. В его гарнизоне было всего 76 человек — 47 стрельцов, многие из которых не имели пищалей, а половина из них была больна; 14 пушкарей и затинщиков, а также 15 вооружённых посадских. О взятии Белёва им стало известно на Семён день в пятом часу ночи. Воевода выслал дозоры, поднял тревогу. Вскоре стало известно, что «литовские люди» появились в 13 верстах от города в деревне Мыжбор. Воевода приказал ударить в колокол и послал в окрестные монастыри и сёла, сзывая людей в крепость для обороны города. Однако крестьяне предпочитали разбегаться по лесам, а монахи сочли более благоразумным удалиться в лучше укреплённую Калугу. Когда Лисовский появился в двух верстах от города на Гордиковом перевозе через Жиздру, то посадские стали укрываться в окрестных лесах. Воевода, который сам был болен, пытался организовать оборону, но «стрельцы, и пушкари, и затинщики, и посадские люди ево не послушали ... ис Перемышля пошли врозь». В итоге покинул город и С.Ф. Глебов — его вывезли в Калугу. Пушкари, забрав по настоянию воеводы «наряд, и зелье, и свинец», ушли в лес. [ПИВЕ, 1995, с.104-105, 115-116].

Убедившись, что город беззащитен, Лисов-

ский тотчас вошёл в него. Вскоре его люди отыскали в лесу брошенные перемышльскими пушкарями шесть пищалей, ядра и бочку пороха. Затем к нему стали приводить пленных. Наибольший интерес у полковника вызвали три казака, захваченные на дороге между Лихвином и Калугой. «Лисовской почал им говорил, то, де, было им, казаком, быть у нево, у Лисовского, и казаки, де, называли Лисовского батьком и говорили, смутили, де, нас, посулили по 10 рублёв, и мы, де, за тем измешкали, а будем, де, все у тебя. И Лисовской, де, велел добыть вина, и почал их потчивать». Было ясно, что полковник не прочь пополнить свой поредевший отряд за счёт казаков, оказавшихся в тот момент в армии Пожарского. Тем более, что кампания грозила затянуться и подкрепления были необходимы. Лодыженский слышал, как Лисовский заявлял о своём намерении зимовать в «государевой земле», уверяя, что к нему будут примыкать «прибыльные люди» [ПИВЕ, 1995, с.112].

Захват Перемышля помог лисовчикам поправить то довольно затруднительное положение, в котором они оказались после столкновения с Д.М. Пожарским. Лодыженский сообщает о своих наблюдениях так: «А людей с Лисовским всяких с 3000 людей, а раненых, и больных, и лошадей раненых у Лисовского много ... и голод был до Перемышля великой, а как пришел в Перемышль, и у него стало всего много» [ПИВЕ, 1995, с.112]. Обилие припасов объясняется не только захватом города — заняв Перемышль, лисовчики принялись выжигать и грабить окрестные сёла [ПИВЕ, 1995, с.107].

Пожарский тем временем дошёл до Лихвина и выстроил 12 острожков, чтобы стеснить свободу передвижений врага. Вероятно, именно это имел в виду Лисовский, говоря Лодыженскому, что «у Пожарскова перед ево людьми втрое, только, де худы люди, а Пожарский, де, отимаецца у него таборами» [ПИВЕ, 1995, с.112]. Завязались переговоры о размене пленными. Пожарский требовал за одного поляка отдавать трёх русских, а Лисовский — отдать ему десять поляков за одного русского. Наконец, сошлись на обмене одного за одного. Затем Лисовский выжег Перемышль и ушёл на Ржеву Володимерову (Ржев) [Wisner, 2004, с.68-69].

В Лихвине Пожарский получил подкрепления — казанскую рать численностью до 7000 татар и черемисов. После этого он отрядил против Лисовского своего двоюродного брата воеводу Лопату Пожарского, а сам «истомлённый невероятно быстрою погонею за самым неутомимым из наездников, слёг от тяжкой болезни и был отвезён в Калугу» [Соловьёв, 1990, т.V, с.32]. Но погоня сорвалась, поскольку «казанские люди все побегоша в Казань».

Обойдя Калугу, где стоял Пожарский, Лисовский прошёл между Можайском и Вязьмой, а затем ударил на Ржеву. Здесь вполне могла и закончиться

карьеру как самого Лисовского, так и всего его отряда, поскольку на Ржевском посаде в это время стояла на постое рать боярина Фёдора Ивановича Шереметева, посланная из Москвы на помощь осаждённому шведами Пскову. Воевода располагал достаточными силами, чтобы не только защитить город от разорения, но и совершенно уничтожить нападавших. Однако всё произошло прямо наоборот: «на ратных людей на коши под Ржавой на походе пан Лисовской с польскими и литовскими людьми пришёл и с рускими с воры и с изменники ... и много туто ратных людей кошевых побили, и коши поймали» [ПСРЛ, т.34, с.263]. Ратные люди были застигнуты врасплох «на посаде и по слободам». Разгром был полным. Воевода Ф.И.Шереметев с остатками своей рати заперся в Ржевском остроге, а Лисовский «к городу приступал великими приступы» [ПСРЛ, т.14, с.137]. Затем полковник стал лагерем на противоположном берегу Волги. Хотя посад и был разорён, сам «город» взять не удалось. В боях погибло немало казаков. Раздражённый неудачей, Лисовский приказал снять колокола с пригородных церквей и бросить их в колодцы. Отсюда он послал казаков в Погорелое Городище, велел захватить городок, назвавшись посланцами из Москвы. Однако этот замысел не удался [Станиславский, 1990, с. 156].

Обеспечив себя добычей из обоза армии Шереметева, Лисовский попытался пополнить свои силы. С этой целью он постарался наладить связь с гетманом Ходкевичем, стоявшим в Смоленске. С этой целью он послал туда отряд из 40 поляков под началом ротмистра пана Синявского (один из плененных лисовчиков позднее показывал, что Лисовский направил к гетману «пахолка своего Шенковского да порутчика, имяни не упомнить, всего двенадцать человек» [АИ, 1841, т. III, с.58]). Посланцы беспрепятственно добрались до Смоленска, пройдя через Бельский уезд, хотя о том было известно здешним воеводам. Вести, доставленные Синявским, изрядно порадовали Ходкевича, который выразил полковнику своё благоволение, послав ему в дар превосходного аргамака. Однако пополнения, направленные под Ржеву, оказались более чем скромными — всего 30 человек «изменников козличь и смольнян» под командованием козлитина Фёдора Щербакова. Но и этот небольшой отряд так и не добрался до стана лисовчиков. Путь Синявскому и Щербакову лежал через Бельский уезд и об их возвращении быстро стало известно в Белой. Воеводы Иван Матвеевич Бутурлин и Семён Яковлев, один раз уже упустившие ротмистра, теперь были наготове. «На переём... з беляны и з дворяны и з детми боярскими, и с казаки, и с стрельцы» выступил сам Семён Яковлев. В сорока верстах от Белой в Пышковской волости у села Гавриловка 2 (12) ноября 1615 г. отряд Яковлева «встретил на походе» людей Синявского и Щербакова. «Бельский летописец» сообщает, что поляков и русских

«воров» было 70 человек, а в «Книге сеунчей» говорится, что «шло литовских людей ... с шездесят человек». Возможно, это свидетельствует о том, что десятку лисовчиков всё же удалось избежать гибели и плена. Но большая часть отряда была, несомненно, перебита. В плен попали 22 человека вместе с Синявским и Щербаковым. Победителям достался и гетманский подарок, которым они распорядились надлежащим образом: «и дары гетманские ... тот аргамак дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди прислали з Белой челом ударить царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всеа Руси в Москве». Скандальная история с гетманским подарком надолго запомнилась в отряде Лисовского. О ней счёл необходимым упомянуть на допросе лисовчик, попавший в плен под Ярославлем [ПСРЛ, т.34, с.263-264; ПИВЕ, 1995, с.38-39; АИ, 1841, т.III, с.58].

Но некоторые пополнения из числа казаков к Лисовскому всё-таки попадали. Около 60 человек привёл к нему из Заволжья атаман Ляд. Другой отряд возглавлял атаман Яков Шишов. Из войска Д.М. Пожарского к лисовчикам отъехало около 100 казаков. Несколько позднее он завязал переговоры с бывшими казаками атамана Заруцкого, которые в количестве 500 человек стояли тогда под Смоленском. Однако, далее обмена посольствами это дело не пошло [Станиславский, 1990, с. 156]. Собственно же силы Лисовского в период после осады Ржевы были довольно скромны. Согласно показаниям перебежчиков, в распоряжении полковника имелось восемь хоругвей, в составе которых было 400 «литовских людей», 300 черкас и 150 «русских воров казаков» — всего 850 человек [АИ, 1841, т. III, с.57].

В первой половине ноября Лисовский оставив безнадежную осаду Ржевы. По мнению «Бельского летописца» причиной тому послужили известия о судьбе отряда Синявского. Хотя город ему взять и не удалось, результатом действий лисовчиков стал срыв похода русской рати на Псков. Боярин Ф.И. Шереметев вынужден был вернуться в Москву, поскольку его «ратные люди погромлены, а иные побиты, и стали ратные люди запасы и службою скудны» [ПСРЛ, т.34, с.264].

В Москве известия, полученные от Шереметева из Ржевы, вызвали новый всплеск тревоги и 15 (25) ноября воеводам находившихся под угрозой набега городов были разосланы царские грамоты с предостережением. «Вор Лисовский со всеми литовскими людьми и с черкасы и с рускими воры ото Ржевы пошел наспех неведомо куды, а чают его приходу в Заволские города к Угличю, — говорилось в грамоте, направленной угличскому воеводе князю И.Ф. Волконскому. — И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на Угличе жил с великим береженьем неоплошно, и по городу б у тебя и по острогу всякие осадные люди стояли по местам, совсем на готове безпрестани, и сторожи б у вас около города и острогу далние, и стерегли в день и в

ночь безпрестани, и сам над ними надзирал ежечас, и того берегся накрепко, чтоб вор Лисовский с литовскими людьми к Угличю безвестно не пришли, и русских людей оманом не подослали, и дурна како-го не учинили» [АИ, 1841, т. III, с.56].

Лисовский же направился к Торжку, сжёг его посад, но вновь не сумел овладеть острогом. Двигаясь прямо на север, он намеревался достичь, по собственным словам, «моря ледовитого». Однако планы пришлось вскоре пересмотреть. Виной тому, по заверению Лисовского, стал некто Рыськевич, вероятно, тот самый, что присоединился к полковнику под Брянском. «Связавшись с какой-то московкой», он бежал вместе с нею и тремя товарищами к русским, передав им сведения о численности и планах лисовчиков, сообщив также об их усталости и нехватке боеприпасов [Wisner, 2004, с. 69]. Впрочем, эти сведения должны были быть известны московским воеводам и без влюблённого Рыськевича со слов захваченных «языков» и бывших пленников, подобных Василию Лодыженскому.

Неизвестно, собирался ли на самом деле Лисовский достичь Северного Ледовитого океана, но в любом случае он меняет направление своего движения. Он движется мимо Твери и Кашина к Угличу. Приступать к этим городам Лисовский не решился из-за малочисленности своих сил. Под Угличем лисовчики собрали «коло» для обсуждения дальнейших действий. Прежде «рыцарство» подобных советов не устраивало и, видимо, вполне полагалось на своего полковника. Но ныне ситуация в отряде изменилась. Оказавшись в глубине враждебного государства, ведомые в неизвестном направлении, лисовчики обеспокоились своей судьбой и решили взять её в собственные руки. Похоже, они потребовали от полковника, чтобы тот изложил им свои дальнейшие планы. Лисовский, судя по всему, не смог этого сделать, поскольку и сам, вероятно, не имел таковых. По крайней мере, оказавшись вскоре в русском плену Кристоп Савинский заявил, что «им Лисовский своей думы не сказывает», сам он «думы ... Лисовского не ведаёт, а чаёт, что Лисовский со всеми людьми пойдёт в Литву, потому что с ним люди невеликие, к городом приступать не с кем» [АИ, 1841, т. III, с.57, 58]. В итоге «коло» приняло решение идти к Романову и Даниловской слободе,⁸⁸ там стать табором на неделю, дать отдохнуть «истомным» лошадям и за это время разведать окрестные пути-дороги.

Похоже, что этот план, по сути ничего не решавший, пришёлся по душе не всем лисовчикам. Уже 24 ноября (2 декабря) романовский воевода Андрей Трусов сообщает, что к нему явились поляки-перебежчики — Мартын Хреневский, Остафий Харинский и Иван Данилов, которые сообщили о состоянии дел в отряде Лисовского. По их словам,

«лошади де у них гораздо истомны, а зелья мало», а потому, если у воеводы имеются под рукой воинские силы, то самое время нанести решающий удар по ослабевшему неприятелю [АИ, 1841, т. III, с.57].

Лисовский, заняв Даниловскую слободу, оставил в ней половину своих людей, а вторую половину направил на три дня «в загоны» — добывать провиант и разведывать окрестности. О присутствии поблизости лисовчиков ярославский воевода Василий Тюменский узнал уже 26 ноября (4 декабря), когда «с утра приезжали ... в Ярославль беж многоя, а иные сечены». Израненные беженцы показали, что Лисовский находится в дворцовом селе Даниловском в 15 верстах от города, а его молодцы «многих уездных людей побили, и сёла и деревни повыжгли и пограбили». Но налёты лисовчиков не всегда оканчивались для них благополучно. На следующий же день, 27 ноября, воеводы князь Василий Туренин и Тимофей Измайлов прислали в Ярославль 10 пленников, захваченных в стычке с одним из загонов Лисовского под селом Вятским. Среди них были черкасы, «литовские люди» и один русский казак. Наиболее интересные показания дал литвин Кристоп Савинский, товарищ из роты Копычевского.⁸⁹

По его словам с Лисовским было около тысячи человек, без обозов и пушек, на усталых лошадях, но с запасом пороха. В отряде нет никаких «немцев», нет в нём и знаменитых казачьих атаманов Захарья Заруцкого и Павлика Голеницкого, как то, видимо, подозревали русские воеводы. Русскими казаками руководит некий атаман Сидорка, а загоном, разбитым у с. Вятского, командовал человек, личность которого весьма заинтересовала ярославского воеводу. Это был некий «поруччик Козырь русской человек, молод, ростом высок, русского имени ему [Савинский] не ведаёт». Этот удалец сумел ускользнуть от государевых ратных людей при разгроме своего отряда [АИ, 1841, т. III, с.57].

В эти же дни Лисовский подумывал о захвате Костромы (вероятно, именно она скрывается в польских источниках, под названием города Chromion, взять который полковнику не удалось). Чтобы разведать обстановку в городе, туда был послан лазутчик. Им стал Левка Ларивонов, «Спаса Ярославского монастыря крестьянин села Фёдоровского деревни Высокой». В четверг, 23 ноября, направляясь к с. Даниловскому, Лисовский проезжал мимо д. Высокой, где черкасы изловили Левку, приведя его на допрос. Крестьянину было предложено 50 рублей денег и сукно за то, чтобы он отправился в Кострому и разведал, «сколко на Костроме силы и сколко наряду». Левка, недолго думая, согласился и спустя два дня был уже на костромском посаде у церкви Св. Власия. Тут его приметил

⁸⁸ В польских источниках об этом говорится, как о движении в сторону некоей *Daupiąnskiej Slobody* (?) [Wisner, 2004, с. 71].

⁸⁹ Тут, вероятно, имеется в виду Пётр Копачевский, который позднее, после смерти Лисовского, командовал одной из 10 хоругвей полка лисовчиков [Wisner, 2004, с.78].

выезжавший в дозор костромитин Исай Есипов. Увидев, что «аж де едет к Костроме мужик, он того мужика взяв, привёл... в розряд». Оказавшись перед лицом воеводы стольника князя Ивана Хилкова, перепуганный Левка Ларивонов поспешил сознаться в своём грехе, поведав, что Лисовский ожидает только его возвращения, чтобы «приходити прямо к Костроме приступом» [АИ, 1841, т. III, с. 58].

Несмотря на частную неудачу под Вятским и провал плана по захвату Костромы, отдохнув в Даниловском и перейдя Волгу между Костромой и Ярославлем, Лисовский углубился в Суздальские места. По пути он разорил Шую и её округу, а затем двинулся на Муром и Касимов, рассылая разьезды вплоть до мордовских селений.

Современник событий, шведский историк Юхан Видекинд, со слов новгородского дворянина Михаила Клементьева описывает маршрут Лисовского следующим образом: «пробившись с 1500 человек между Москвой и Осташковом, он пошел на Торжок, Городище, Ярославль, Кострому и до Нижнего Новгорода (Mindre Niugarden), затем двинулся через Муром (Ynogama) и Касимов (Laisamoff), Зарайск (Surch) и Seunein, вплоть до Брянска, сея на всем своем пути пожары и убийства» [Видекинд, 2000, с. 373]. Русские источники описывают тот же маршрут следующим образом: «И поиде Лисовской от Ржевы войною и был под Кашиным и под Углечем ... поидоша ж меж Ярославля и Костромы в Суздальские месте ... идоша на город на Кляземской. И поидоша меж Володимеря и Мурома и идоша на муромское сельцо Мещеру. И поидоша в Резанские места, проидоша меж Тулы и Серпухова и приидоша в Олексинские места ... и поидоша на Северския места в Литву» [ПСРЛ, т. 14, с. 137].

Воеводы из Ярославля гнались за ним безуспешно, лишь сами опустошая окрестности. Князь Василий Туренин и Михаил Петрович Брятинский «а с ними ... ратные люди, и немцы, и казаки», вслед за лисовчиками запустошили сёла Рождественское и Бордаково в Нерехотском стане Костромского уезда. В селе Алексино Суздальского уезда вначале лисовчики «крестьян многих секли, а иных жгли и мучили, и грабили», а затем «князь Михайло Брятинский со своими ратными людьми грабили и мучили». Крестьяне знаменитого села Палех «разбрелись безвестно от казаков и побиты от Лисовского загонных людей и от ратных людей, как шли государевы ратные люди за Лисовским» [Станиславский, 1990, с. 157]. Впоследствии за свои неудачные действия князь М. П. Брятинский был по царскому приказу посажен в тюрьму.

Если польские исследователи рисуют рейд Лисовского, как ряд непрерывных побед, то отечественные историки подчёркивают неудачи лисовчиков, уверяя даже, что они двигались «крадучись, просёлками», «пробирались, как тень», но при этом

«опустошая всё на своём пути» [Соловьёв, 1990, т. V, с. 33; Скрынников, 2007, с. 305]. Каким образом им удавалось это совмещать, не объясняется. Истина же, как всегда, находится посередине. Лисовский, несомненно, избегал встреч с преследующими его воеводами, однако отнюдь не уклонялся от боя там, где мог рассчитывать на успех. Русские воеводы откровенно избегали прямых столкновений с Лисовским, однако успешно расправлялись с отдельными загонами лисовчиков, как то показали история с гетманским аргамаком и разгром поручика Козыря у с. Вятского. При этом среди самих лисовчиков также наблюдались внутренние неурядицы, неуверенность в конечном успехе. Об этом свидетельствуют случаи дезертирства, когда даже поляки «выезжали на государево имя», предпочитая сдачу неминуемой гибели среди необъятных просторов враждебной страны. Так поступили Рыськевич, Хреневский, Харинский, Данилов. К числу дезертиров, вероятно, можно отнести и «казаков из табору пана Лисовского» Григория Раткевича и Томаша Михайлу, осевших в Муроме в качестве сборщиков податей (правда, Г. Виснер почему-то считает их «наместниками» Лисовского в этом городе) [Wisner, 2004, с. 71].

После Перемышля Лисовскому действительно не удавалось овладеть ни одним городом, однако это не останавливало его от нападения на них, что наверняка сопровождалось разорением округи и посадов. Приблизившись к Мурому, Лисовский отнюдь не пытался обойти его тайком.

В начале декабря, как сообщает муромский воевода Богдан Иванович Полев, «Лисовский с литовскими людьми приход к Мурому, приступал жестокими приступы с вогненным боем, и с щитами, и с приметы, и осадных людей з города збили, и тайника отняли, и они литовских людей з города и ис тайника выбили и, учиня ис города выласку, многих литовских людей побили и поранили, и от города отбили, и сшиты, и санные возы и зажигальные стрелы поимали и Лисовский со всеми людьми от Мурома отшел того ж дни». В бою отличились и стали сеунщиками арзамасский мурза Ишмамет (Кяз Мамеш), муромцы Григорий Чертков и посадский Меркулий Клепиков, торопчанин Шемахей Федцов [ПИВЕ, 1995, с. 40]. От Мурома мимо Касимова лисовчики двинулись в сторону Тулы.

Обойдя по гигантской дуге Москву, лисовчики вышли в Алексинский уезд и только тут на реке Пчеле были настигнуты русской ратью. Князь Фёдор Семёнович Куракин, выступив «резвым делом без кошей», сумел, наконец, перехватить неуловимых лисовчиков. Однако разгромить их ему не удалось: «и едва ево сойде в Олексинском уезде князь Фёдор Семёнович Куракин, и туто ж с ними бывшу бою, мало ж ему шкоты починиша и людей у него побиша немного» [ПСРЛ, т. 14, с. 137-138]. Лисовский не дал навязать себе серьёзный бой, да и сам Куракин избегал решительных действий. «Несколь-

ко воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошёлся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву», — подводит итог этой погоне С.М.Соловьёв [Соловьёв, 1990, т.V, с.33]. Сражение обычно датируется 31 декабря, что явно неверно, поскольку 19(29) декабря лисовчики были уже в Лихвинском уезде. Исходя из этого, бой не мог произойти позднее 15(25) декабря.

Не в силах разбить самого Лисовского, воеводы стремились уничтожить хотя бы отдельные его разъезды. Тульский воевода Ратман Алексеевич Вельяминов прислал в Москву 21(31) декабря сенщика Фёдора Истомина «с тем, что как Лисовской и литовские люди шли мимо Тулы, и Лисовского и литовских людей побили и языки многие поймали» [ПИВЕ, 1995, с.39]. В районе Тулы отряд, похоже, разделился, по крайней мере, на две группы. Одна двинулась на Лихвин и вошла в уезд со

стороны Тулы 19(29) декабря. Вскоре после этого, «декобря ... в 22 день в ночи с пятницы на субботу приходили ... к Лихвину... человек з двесте и болше ... против их вышли на вылоску з дворяны и з детьми боярскими и с стрельцы и со всякими людьми и бились с ними до дня ... от острогу их отбили и полону ... у них отбили мног розных городов ... взяли детину рускова человека Первушку». Повторный приступ к городу состоялся «в ночи» 24 декабря (3 января) и также был успешно отражён.

Освобождённый пленник Первушка показал, что был взят в плен 19 декабря, что сам Лисовский ушёл на Смоленск, а этот отряд выслал под Лихвин и было их около 200 человек, шли они мимо Одоева, а сходитья им с Лисовским было условлено за Перемышлем. Из членов отряда он мог назвать только своих бывших хозяев — неких пана Михаила и пана Еску [ПИВЕ, 1995, с.122-123].

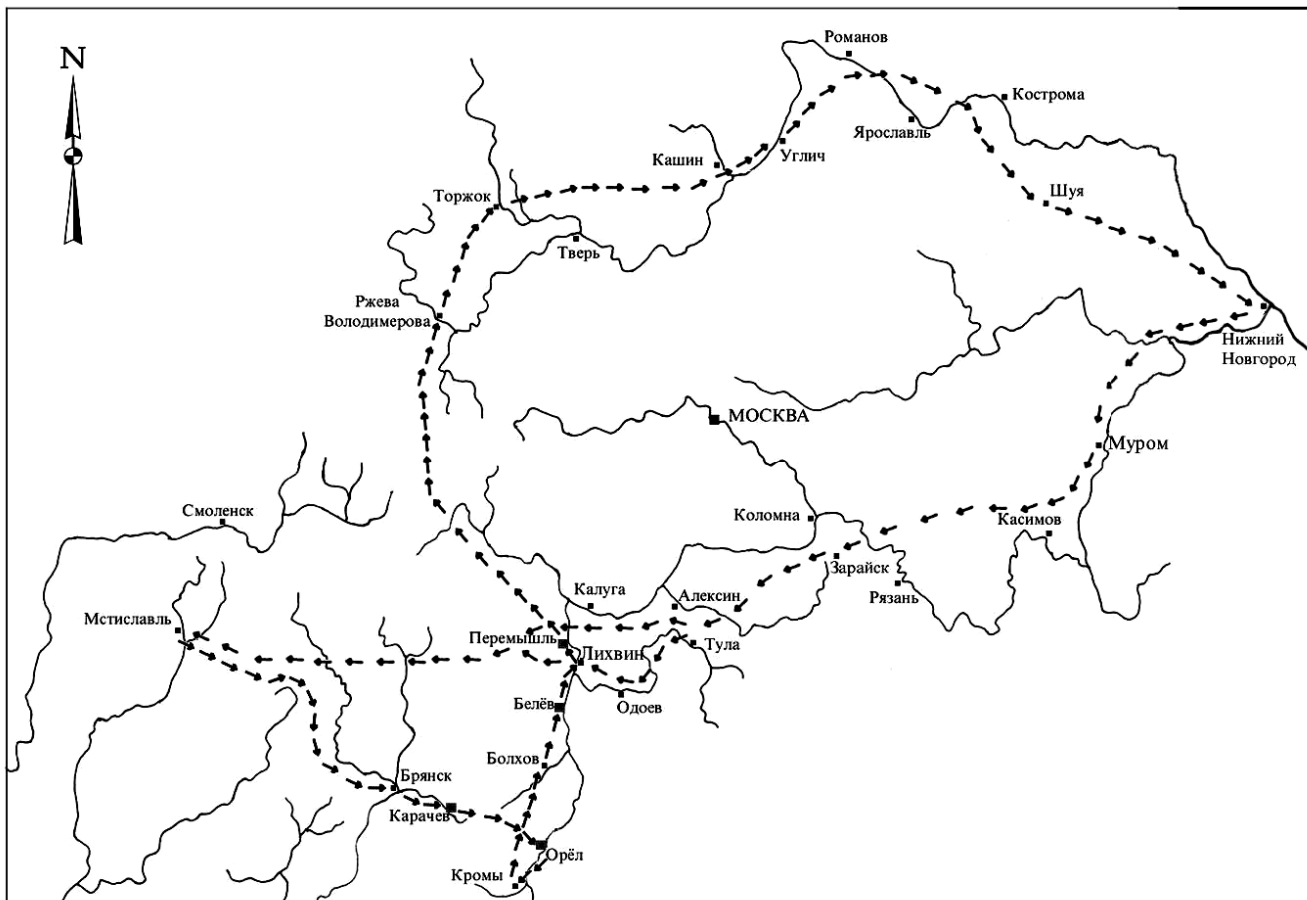

Рис.1. Рейд А.Лисовского, март – декабрь 1615 г.

Лихвинский эпизод оказался последним столкновением с лисовчиками в ходе рейда. В первых числах января 1616 г. Лисовский успешно вернулся в Мстиславль и 27 февраля прибыл в Смоленск [Wisner, 2004, с.71]. Замысел Ходкевича удался. Разоряя и опустошая всё на своём пути, лисовчики описали гигантскую огненную петлю по глубинным уездам Московского царства, оттянув

на себя значительные российские силы и облегчив тем самым положение Смоленска.

Немедленно дали себя знать и другие последствия рейда. Имя Лисовского прозвучало уже 7 (17) января 1616 г. во время предварительных мирных переговоров со шведами в Дедерине. В ответ на речь русских послов шведские представители отвечали: «Оставьте говорить высокие слова: Лисов-

ский не бог знает кто, обычный человек, и тот с великими людьми прошёл всё Московское государство» [Соловьёв, 1990, т.V, с.79]. Заключённая в этих словах характеристика полковника даёт ключ к разгадке его удивительного успеха. Набег Лисовского продемонстрировал не только и не столько полководческие таланты самого полковника, сколько полную неспособность большинства его противников и плачевное состояние самого государства. Российские воеводы, как правило, избегали открытых сражений с лисовчиками, хотя успешно оттаивали от них даже наскоро сооружённые полевые укрепления. Казаки Лисовского свободно разгуливали по разорённым и обезлюдевшим за годы Смуты уездам, пока не сталкивались с активным и решительно настроенным противником, каким показал себя, например, Семён Яковлев. Стоит отметить, что уже в период следующей, Смоленской войны, когда на польско-литовской стороне также не было недостатка в лихих наездниках, повторе-

ния подобных рейдов не последовало. Они были возможны только в условиях Смуты.

Литература

- Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т.III.—СПб.,1841
- Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. — М., 2000.
- Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. I. Книга сеунчей 1613—1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень — зима 1615 г.). М.—Варшава, 1995.
- Полное собрание русских летописей. Т.14. — М., 1965.
- Полное собрание русских летописей. Т.34. — М., 1978.
- Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орёл, 1993.
- Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. — М., 2007.
- Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. — Кн.V. — М., 1990.
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. — М., 1990.
- Tyszkowski K. Aleksander Lisowski i jego zagony na Moskwę // Przegląd Historyczno-Wojskowy. Т.V. 1932.
- Wisner H. Lisowczycy. — Warszawa, 2004.